Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-204-209

КАРАВАЕВ Евгений Сергеевич,
заместитель начальника кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России полковник полиции,
e-mail: evgkaravaev@yandex.ru

МЕДВЕДЕВА Татьяна Викторовна,
старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, подполковник полиции,
e-mail: taniavbel@yandex.ru

ТЕМИРКАЯЕВА Ленура Наримановна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, майор полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru.

МЕХАНИЗМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ И ЭКСТРЕМИСТСКИМ ГРУППАМ

Аннотация. *В статье рассматриваются уголовно-правовые механизмы ответственности за содействие террористической и экстремистской деятельности. Анализируются конструкции составов, предусмотренных статьями 205.1, 282.1, 282.2 и 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, их соотношение со смежными нормами и разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации. Основное внимание уделено вовлечению, вербовке, финансированию, организационному обеспечению деятельности запрещенных структур, а также проблемам разграничения специальных составов и соучастия, установления умысла и доказывания заведомости. Обосновывается необходимость повышения определенности уголовно-правовых запретов и унификации подходов к квалификации.*

Ключевые слова: *уголовная ответственность, терроризм, экстремизм, содействие террористической деятельности, финансирование терроризма, экстремистское сообщество, экстремистская организация, финансирование экстремистской деятельности, соучастие, квалификация преступлений.*

KARAVAEV Evgeny Sergeevich,
Deputy Head of the Department of Specialized Disciplines at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

MEDVEDEVA Tatyana Viktorovna,
Senior Lecturer of the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin

TEMIRKAYEVA Lenura Narimanovna,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines at the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

MECHANISMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR ASSISTANCE TO TERRORIST ORGANIZATIONS AND EXTREMIST GROUPS

Annotation. *The article examines criminal-law mechanisms of liability for assistance to terrorist and extremist activities. It analyzes the legal structures of offences under Articles 205.1, 282.1, 282.2 and 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, their correlation with related provisions and the interpretative guidance of the Supreme Court of the Russian Federation. Particular attention is paid to recruitment, involvement, financing and organizational support of prohibited entities, as well as to the distinction between special offences and general complicity, the establishment of intent and proof of awareness. The article argues for greater legal certainty and more consistent approaches to criminal-law qualification.*

Key words: *criminal liability, terrorism, extremism, assistance to terrorist activity, financing of terrorism, extremist community, extremist organization, financing of extremist activity, complicity, qualification of crimes.*

Проблема уголовной ответственности за содействие террористическим и экстремистским структурам имеет выраженное прикладное значение. Действующее уголовное законодательство предусматривает специальные составы, охватывающие вовлечение новых участников, финансирование, организационное обеспечение, участие в запрещенных объединениях и иные формы поддержки. При этом юридическая оценка должна опираться не на обобщенное понятие «содействия», а на закрепленные законом категории: «содействие террористической деятельности», «террористическое сообщество», «террористическая организация», «экстремистское сообщество», «экстремистская организация», «финансирование экстремистской деятельности» [1, 2]. Именно различия между указанными конструкциями во многом определяют пределы уголовной ответственности и правила квалификации.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей законодательного построения и применения норм об ответственности за содействие террористической и экстремистской деятельности, а также в определении наиболее существенных проблем их разграничения. В рассматриваемой сфере уголовно-правовой механизм образуют нормы, устанавливающие основания ответственности, формы запрещенного поведения, момент окончания преступления, квалифицирующие признаки и специальные условия освобождения от ответственности. Его содержание конкретизируется положениями федерального законодательства о противодействии терроризму и экстремистской деятельности, а также разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации [3].

В системе противодействия терроризму центральное место занимает статья 205.1 УК РФ. Она предусматривает ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение террористических преступлений, вооружение или подготовку лица для их совершения, финансирование терроризма, а также отдельные формы пособничества и организации соответствующей деятельности [1, 4]. Особенность данной нормы состоит в том, что значительная часть действий, традиционно рассматриваемых через институт соучастия, получила самостоятельную уголовно-правовую оценку. Тем самым законодатель переносит акцент с реакции на уже совершенное террористическое преступление на пресечение деятельности, обеспечивающей его подготовку и инфраструктуру.

Превентивная направленность статьи 205.1 УК РФ наиболее отчетливо проявляется при определении момента окончания вовлечения. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, склонение, вербовка или иное вовлечение признаются оконченными с момента совершения соответствующих действий независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо преступление террористической направленности [4]. Для квалификации, следовательно, существенны характер и направленность воздействия на другое лицо, а не наступление последующего преступного результата. Такой подход позволяет пресекать формирование кадровой базы террористической деятельности на раннем этапе, одновременно повышая требования к установлению содержания умысла виновного [7, 8].

Самостоятельное значение имеет финансирование терроризма. Примечание к статье 205.1 УК РФ связывает его с предоставлением или сбором средств либо оказанием финансовых услуг при осознании их предназначения для организации, подготовки или совершения террористических преступлений либо для материального обеспечения лиц и структур, созданных в этих целях [1]. Поэтому предмет доказывания включает не только факт передачи ресурсов, но и их целевое назначение, известное виновному. При этом необходимо отметить, что статья 205.1 УК РФ действует во взаимосвязи с нормами об оправдании и пропаганде терроризма, прохождении обучения, организации террористического сообщества и деятельности террористической организации (статьи 205.2–205.5 УК РФ) [1, 4]. Практическая же

сложность заключается в выборе нормы, наиболее точно отражающей фактическую роль лица, и в разрешении возможной конкуренции составов.

Однако самостоятельность состава, предусмотренного статьей 205.1 УК РФ, не устраняет проблему его соотношения с общими правилами о соучастии, поскольку если содействие адресовано совершению конкретного преступления и выражается в действиях, функционально соответствующих пособничеству, закономерно возникает вопрос о применении специальной нормы, общих положений УК РФ, либо их совокупности. В литературе обращается внимание на необходимость более четких критериев такого разграничения, так как для практики принципиально, чтобы уголовно-правовая оценка основывалась не на самом факте общения, консультирования или передачи информации, но на установленной направленности помощи и осознании лицом ее связи с террористической деятельностью, что особенно важно при отграничении наказуемого вовлечения от идеологического воздействия, которое само по себе не образует состава, предусмотренного статьей 205.1 УК РФ [6–8].

В то же время уголовно-правовое противодействие экстремистской деятельности построено несколько иначе, системообразующее значение здесь имеют статьи 282.1, 282.2 и 282.3 УК РФ. Статья 282.1 устанавливает ответственность за создание экстремистского сообщества, руководство им, вовлечение в его деятельность и участие; статья 282.2 — за организацию деятельности экстремистской организации, вовлечение и участие в ней; статья 282.3 — за финансирование экстремистской деятельности [9, 10]. Разграничение указанных составов связано прежде всего с правовой природой объединения и характером действий конкретного лица.

Экстремистское сообщество в статье 282.1 УК РФ определяется через организационную форму и цель подготовки либо совершения преступлений экстремистской направленности. Судебные разъяснения относят к участию не только непосредственное совершение таких преступлений, но и выполнение функциональных обязанностей, обеспечивающих деятельность сообщества, в том числе информационное сопровождение и ведение документации. В результате уголовно-правовая оценка может распространяться на лиц, не входящих в непосредственное исполнительское ядро, но фактически обеспечивающих устойчивость объединения. Для квалификации принципиально важно установить не формальную связь с участниками сообщества, а осознанное включение лица в его деятельность.

Иная конструкция закреплена в статье 282.2 УК РФ. Ответственность по этой норме предполагает деятельность организации, признанной экстремистской в установленном законом порядке, то есть наличие вступившего в законную силу решения о ее запрете. В этом состоит существенное отличие экстремистской организации от экстремистского сообщества, признаки которого устанавливаются непосредственно в рамках уголовно-правовой оценки. Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает, что склонение, вербовка или иное вовлечение в деятельность экстремистской организации окончены с момента совершения соответствующих действий независимо от фактического вступления вовлекаемого лица в запрещенное объединение [5].

Статья 282.3 УК РФ предусматривает ответственность за предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования преступлений экстремистской направленности или обеспечения деятельности экстремистского сообщества либо экстремистской организации, хотя Верховный Суд Российской Федерации и относит к финансированию также предоставление материальных средств, в частности имущества, средств связи и иных ресурсов, если лицо осознает их назначение [5]. Вот почему ключевым признаком состава выступает заведомость, сам по себе факт передачи имущества или денежных средств не позволяет сделать вывод о наличии преступления без доказательств осведомленности лица о противоправной цели такой передачи [5, 6].

Касаемо экстремистского блока значение субъективной стороны также трудно переоценить, поскольку конструкции статей 282.1–282.3 УК РФ предполагают осознание лицом характера объединения, содержания выполняемых функций либо назначения передаваемых ресурсов [1, 5]. Отсюда в свою очередь следует необходимость разграничивать участие в запрещенной деятельности и внешне сходные формы поведения, которые не свидетельствуют о включенности лица в функционирование соответствующей структуры. Наличие контактов, обмен информацией или передача имущества приобретают уголовно-правовое значение лишь в совокупности с обстоятельствами, подтверждающими осознанную направленность поведения. Такой подход имеет особое значение для недопущения расширительного толкования норм об экстремистских сообществах и организациях [10].

Сопоставление уголовно-правовых средств противодействия террористической и экстремистской деятельности позволяет выявить общую для них тенденцию — установление ответственности за действия, которые создают организационные, кадровые либо материальные предпосылки функционирования соответствующих преступных структур. В обоих случаях законодатель самостоятельно криминализирует

вовлечение и финансирование, использует формальные конструкции составов преступлений, придает квалифицирующее значение использованию служебного положения и предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности при наличии определенных законом форм позитивного посткриминального поведения [4, 5]. Вместе с тем степень уголовно-правовой дифференциации указанных деяний различается. Террористический блок характеризуется более развернутой системой специальных составов и существенно более строгими санкциями, тогда как ответственность за преступления экстремистской направленности во многом обусловлена особенностями правового статуса соответствующего объединения. В частности, применение статьи 282.2 УК РФ непосредственно связано с наличием вступившего в законную силу решения о признании организации экстремистской [10].

Одной из наиболее дискуссионных проблем остается разграничение специальных составов содействия и общих норм о соучастии. Применительно к статье 205.1 УК РФ принципиальное значение имеет установление того, образуют ли действия лица самостоятельное содействие террористической деятельности либо выступают способом пособничества в совершении конкретного преступления. Особенно отчетливо эта проблема проявляется при уголовно-правовой оценке информационной, консультационной и организационной помощи. Сам по себе факт передачи сведений, консультирования или выполнения отдельных обеспечительных действий еще не предопределяет их уголовно-правовую оценку. Необходимы установление фактической направленности такого поведения, его объективной связи с террористической деятельностью, а также доказанность осознания лицом характера и назначения оказываемой помощи [6–8]. Сходная задача возникает при квалификации экстремистских преступлений: правоприменителю необходимо отграничивать участие в экстремистском сообществе или деятельности экстремистской организации от эпизодических контактов с их участниками и иных действий, не свидетельствующих о включенности лица в деятельность запрещенной структуры [9, 10].

При этом уголовно-правовые меры являются лишь одним из элементов системы противодействия экстремистской деятельности. В. В. Шанько в своих работах обращает внимание на значение взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации и общественными объединениями в данной сфере [11, с. 54–58]. Такой подход представляется особенно актуальным в современных условиях, поскольку распространение экстремистской идеологии, вовлечение новых участников и поддержание связей между ними во все большей степени перемещаются в информационную среду. Вследствие этого эффективность противодействия экстремизму не может определяться исключительно применением уголовно-правовых запретов: существенное значение приобретают профилактическая работа, информационное взаимодействие государственных органов с институтами гражданского общества и своевременное выявление факторов, способствующих радикализации.

Цифровизация одновременно усложняет решение собственно уголовно-правовых и доказательственных задач. Вербовка, координация деятельности, сбор денежных средств, передача материалов и поддержание контактов могут осуществляться посредством социальных сетей, мессенджеров и иных электронных сервисов. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации применительно к преступлениям террористической направленности учитывают возможность совершения противоправных действий посредством размещения материалов и массовой рассылки сообщений в сети «Интернет» [4]. В подобных условиях особое доказательственное значение приобретают содержание переписки, характер и адресность коммуникации, сведения о финансовых операциях, данные об использовании электронных сервисов и иные цифровые следы, позволяющие установить действительное содержание поведения лица и направленность его умысла [4, 6]. Вместе с тем использование цифровых средств коммуникации само по себе не свидетельствует о наличии состава преступления и не освобождает правоприменителя от необходимости доказывания всех его обязательных объективных и субъективных признаков.

В связи с этим дальнейшее развитие уголовного законодательства в рассматриваемой области целесообразно ориентировать прежде всего на повышение определенности действующих правовых конструкций, а не на расширение перечня уголовно наказуемых действий. В частности, сохраняется потребность в более последовательном разграничении специальных форм содействия террористической деятельности и пособничества, предусмотренного Общей частью УК РФ. Требуют дальнейшей конкретизации и критерии уголовно-правовой оценки материального, информационного и организационного обеспечения террористических и экстремистских структур с учетом использования электронных платежных инструментов и цифровых сервисов. Отдельного внимания заслуживает формирование единообразных подходов к установлению заведомости, доказыванию целевого назначения предоставляемых ресурсов и определению признаков фактического участия лица в деятельности запрещенного объединения [6]. Решение этих вопросов

способно уменьшить риск расширительного толкования уголовно-правовых норм и обеспечить большую предсказуемость квалификации.

Таким образом, уголовная ответственность за содействие террористической и экстремистской деятельности представляет собой систему взаимосвязанных специальных запретов, посредством которых законодатель стремится воздействовать не только на непосредственное совершение соответствующих преступлений, но и на деятельность по кадровому, финансовому и организационному обеспечению террористических и экстремистских структур. В системе противодействия терроризму центральное место занимает статья 205.1 УК РФ, тогда как применительно к экстремистской деятельности соответствующую функцию выполняют статьи 282.1–282.3 УК РФ. Вместе с тем результативность указанных норм определяется не только строгостью предусмотренных санкций. Не меньшее значение имеют юридическая определенность признаков состава преступления, доказанность умысла и иных субъективных признаков, а также единообразие судебного толкования. Именно такой подход позволяет реализовать превентивный потенциал уголовного закона без необоснованного расширения пределов уголовной ответственности.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 04.04.2026).

[2] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102105192 (дата обращения: 04.04.2026).

[3] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения: 04.04.2026).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 23.12.2025) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 04.04.2026).

[6] Цепелев В. Ф., Лелетова М. В. Уголовно-правовая регламентация составов «Содействие террористической деятельности» (статья 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) и «Финансирование экстремистской деятельности» (статья 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации): современное состояние и возможности совершенствования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 4 (50).

[7] Павлухин А. Н., Рыжов Р. С., Копнин И. С. Коллизии уголовно-правового регулирования ответственности за содействие террористической деятельности (статья 205.1 УК РФ): поиск компромисса // Государственная служба и кадры. 2020. № 1.

[8] Тарбагаев А. Н., Москалев Г. Л. Пособничество террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2017. № 3.

[9] Воронин В. Н. Преступления экстремистской направленности: пути повышения качества уголовно-правовой охраны // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2016. № 4.

[10] Балеев С. А. Ответственность за организацию и участие в экстремистском сообществе и экстремистской организации по УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1.

[11] Шанько, В.В. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации и общественными объединениями в сфере противодействия экстремизму / В. В. Шанько, Р. А. Атаев, А. И. Воскобоев // Юристъ-Правоведъ. – 2018. – № 4(87). – С. 54-58.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended 20.02.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date: 04.04.2026).

[2] Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006 "On Countering Terrorism." URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102105192 (access date: 04.04.2026).

[3] Federal Law No. 114-FZ of 25 July 2002 "On Countering Extremist Activities." URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 9, 2012 No. 1 (ed. 03.11.2016) "On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (access date: 04.04.2026).

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11 (ed. 23.12.2025) "On judicial practice in criminal cases of extremist crimes." URL: https://www.consultant.ru/document/

cons_doc_LAW_115712/ (access date: 04.04.2026).

[6] Tsepelev V.F., Leletova M.V. Criminal law regulation of the compositions "Assistance to terrorist activities" (Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and "Financing extremist activities" (Article 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation): current state and opportunities for improvement // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4 (50).

[7] Pavlukhin A.N., Ryzhov R.S., Kopnin I.S. Conflicts of criminal law regulation of responsibility for promoting terrorist activities (Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): finding a compromise // Civil service and personnel. 2020. № 1.

[8] Tarbagaev A. N., Moskalev G. L. Aiding terrorist activities (Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Right. 2017. № 3.

[9] Voronin V.N. Extremist crimes: ways to improve the quality of criminal law protection // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Right. 2016. № 4.

[10] Baleev S. A. Responsibility for organizing and participating in an extremist community and an extremist organization under the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 1.

[11] Shanko, V.V. Interaction of internal affairs bodies with the media and public associations in the field of countering extremism/V.V. Shanko, R. A. Ataev, A. I. Voskoboev // Lawyer-Pravoveda. – 2018. – № 4(87). - S. 54-58.

